DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-6-19

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 02.12.2025
Принята к публикации: 02.03.2026

Саниат Абдулганиевна АГАМАГОМЕДОВА
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт государства и права Российской академии наук
Знаменка ул., 10, Москва, 119019, Российская Федерация
saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ: СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

ВВЕДЕНИЕ. *Предметом исследования в статье является воздействие Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС, Соглашение) на отечественное законодательство в области трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Это соглашение является универсальным международным стандартом в области защиты интеллектуальных прав в международной торговле. В условиях цифровизации, экономического кризиса и геополитической напряженности вопросы учета положений ТРИПС требуют новых подходов к оценке.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В исследовании использовались методы системного анализа, сравнительно-правового анализа, метод классификации, исторический, проблемный и формально-юридический методы.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Автором выделено два основных аспекта в процессах воздействия положений ТРИПС на национальное законодательство РФ, в том числе в условиях евразийской экономической интеграции. Первый аспект заключается в унификации пограничных мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и выражается в сближении административных процедур такой защиты. Второй аспект находит отражение в регулировании принципа исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. На основе анализа научной литературы, нормативно-правового материала дается оценка процессам инкорпорации положений ТРИПС в отечественное законодательство и право Евразийского экономического союза.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *По результатам проведенного анализа сделаны выводы о позитивном характере воздействия положений ТРИПС на формирование и развитие пограничных мер защиты интеллектуальных прав при трансграничном перемещении товаров, содержащих интеллектуальную составляющую. Что касается принципа исчерпания прав, то рекомендательный характер его закрепления в ТРИПС не позволил его унифицировать в государствах – участниках соглашения. Сделан вывод о неактуальности идеи унификации принципа исчерпания прав в современных межгосударственных экономических отношениях, отмечена необходимость построения и развития национальных*

моделей принципа исчерпания исключительных прав, приоритета регуляции этих вопросов на уровне двусторонних международных договоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *интеллектуальная собственность, Соглашение ТРИПС, исчерпание прав, параллельный импорт, правообладатели, исключительные права, евразийская интеграция, международные стандарты*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агамагомедова С.А. 2026. Международные стандарты трансграничной защиты интеллектуальных прав: современная оценка воздействия на отечественные механизмы. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 6–19. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-*6-19*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-6-19

Research article
UDC: 341
Received 2 December 2025
Approved 2 March 2026

Saniyat A. AGAMAGOMEDOVA
Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka St., Moscow, Russian Federation, 119019
saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

INTERNATIONAL STANDARDS FOR CROSS-BORDER INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION: A CURRENT ASSESSMENT OF THE IMPACT ON DOMESTIC MECHANISMS

INTRODUCTION. *This article examines the impact of the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) on domestic legislation regarding the cross-border protection of intellectual property rights. This agreement is the universal international standard for the protection of intellectual property rights in international trade. In the context of digitalization, economic crisis, and geopolitical tensions, issues related to the implementation of TRIPS provisions require new assessment approaches.*

MATERIALS AND METHODS. *The study utilized methods including systems analysis, comparative legal analysis, classification, historical analysis, problem-based analysis, and formal legal analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The authors identified two key aspects of the impact of TRIPS provisions on Russian national legislation, including in the context of Eurasian economic integration. The first aspect is the unification of border measures for the protection of intellectual property rights and is expressed in the convergence of administrative procedures for such protection. The second aspect is reflected in the regulation of the principle of exhaustion of exclusive rights to intellectual property. Based on an analysis of scientific literature and regulatory materials, this article*

assesses the incorporation of TRIPS provisions into domestic legislation and the law of the Eurasian Economic Union.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The analysis reveals the positive impact of TRIPS provisions on the formation and development of border measures to protect intellectual property rights during the cross-border movement of goods containing intellectual property. Regarding the principle of exhaustion of rights, the recommendatory nature of its enshrinement in TRIPS has prevented its unification in the states parties to the agreement. This article concludes that the idea of unifying the principle of exhaustion of rights is irrelevant in modern interstate economic relations. It also notes the need to develop national models of the principle of exhaustion of exclusive rights and prioritize the regulation of these issues through bilateral international treaties.*

KEYWORDS: *intellectual property, TRIPS Agreement, exhaustion of rights, parallel imports, copyright holders, exclusive rights, Eurasian integration, international standards*

FOR CITATION: Agamagomedova S.A. International Standards for Cross-Border Intellectual Property Protection: A Current Assessment of the Impact on Domestic Mechanisms. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 6–19. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-6-19

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В современных условиях интеллектуальная собственность по праву признается значимым конкурентным преимуществом, важнейшим фактором обеспечения устойчивого экономического развития и технологического суверенитета, источником инноваций и условием инвестиционной привлекательности определенного предприятия, отрасли, государства, межгосударственного объединения. В контексте процессов цифровизации, международного разделения труда, глобализации и одновременно регионализации (посредством международной экономической интеграции) вопросы создания, оборота и полноценной системы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности приобретают особое значение.

Правовое регулирование данной сферы общественных отношений исторически формировалось в русле нескольких регуляционных механизмов. Во-первых, это механизмы защиты основных прав и свобод человека и гражданина, одним из которых выступает право на занятие научным и иным творчеством, свобода создания результатов интеллектуальной деятельности. С этой точки зрения, регулирование общественных отношений в области создания, передачи и защиты интеллектуальных прав – это часть системы правового обеспечения базовых прав и свобод личности.

Во-вторых, регулирование рассматриваемой группы отношений с момента своего возникновения было призвано обеспечить экономические интересы как авторов и иных правообладателей (частные интересы), так и интересы неограниченной группы лиц в лице потребителей товаров и услуг с интеллектуальной составляющей, а также самого регулятора – государства. В этом смысле выделенный блок регулирования обслуживает экономические и смежные с ними общественные отношения, выступая составным элементом механизма публичного управления в экономической сфере.

В-третьих, выделенная совокупность общественных отношений включает в себя и взаимодействие различных правообладателей друг с другом, когда они в процессе создания (предложения), использования, оборота товаров и услуг, содержащих результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, становятся соперниками, участниками конкурентных связей (конкурентами). Поэтому регулирование этой группы общественных отношений призвано воздействовать на взаимодействие между такими правообладателями, обеспечивая и определенным образом «сопрягая» их частные интересы.

Таким образом, в правовом регулировании отношений интеллектуальной собственности исторически сложилось и постоянно существует определенное сочетание частноправового и публично-правового регулирования. Отражением последнего выступает достаточно

самостоятельный блок регулирования, связанный с трансграничным оборотом товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Несмотря на то что эти вопросы возникают практически с момента образования государств с их обязательными атрибутами, среди которых присутствует и государственная граница, пределы государственного суверенитета, регуляция их в сравнении с иными аспектами правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности несколько запаздывает. Тем не менее правовое регулирование трансграничной защиты интеллектуальных прав на определенном этапе экономического взаимодействия формирует международные стандарты такого регулирования, отражением которых можно считать Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) заключенное в г. Марракеше в 1994 г.[1]

Международные стандарты трансграничной защиты интеллектуальных прав содержатся не только в ТРИПС, однако предметом анализа данной статьи станут положения этого Соглашения.

Представляется, что в современных условиях принципиального изменения геополитической ситуации, возникновения новых угроз и вызовов экономической и иной природы оценка подобного международного стандарта обоснованно трансформируется. В данной статье предпринята попытка выделить и обосновать направления подобной трансформации.

2. Основная часть

Приступая к анализу, следует определить границы предмета исследования предлагаемой статьи. ТРИПС оказало и продолжает оказывать существенное воздействие на различные аспекты правовой охраны и защиты интеллектуальных прав, к примеру, на международный трансфер технологий [Шугуров 2015], на решение проблемы доступа к продовольствию [Upreti, Guida 2025] или на механизмы ценообразования товаров, содержащих интеллектуальную собственность [Yang 2025б]. В данной статье будет рассмотрен аспект трансграничного перемещения товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, применительно к отечественным механизмам защиты интеллектуальных прав с точки зрения стандартов такой защиты, установленных в Соглашении. В последнем им посвящен раздел 4 части III Соглашения «Осуществление прав интеллектуальной собственности», который содержит особые требования в отношении пограничных мер, отраженные в десяти статьях. ТРИПС служит международным стандартом для так называемых пограничных мер, применяемых в национальных правовых системах, с точки зрения того, что, во-первых, оно призвано гармонизировать (максимальным образом сблизить, сделать сходными, тождественными) административные процедуры при принятии таких мер; во-вторых, оно содержит определенный минимум такой защиты для национальных правопорядков государств-участников Соглашения. Сократить подобный минимум нельзя, расширить объемы защиты интеллектуальных прав, ужесточить защитные механизмы можно. Именно в последнем случае речь идет о так называемой модели ТРИПС плюс, которая предусматривает ужесточение требований ТРИПС (в частности, на фармацевтическом рынке) и применение таких мер как: эксклюзивность данных регистрационного досье, уголовная ответственность за нарушение патентного права, жесткие обеспечительные меры, а также патентная увязка[2].

Вторым аспектом трансграничной защиты, неразрывно и тесно связанным с пограничными мерами, но имеющим ярко выраженную отраслевую специфику, является принцип исчерпания исключительных прав, на унификацию которого должно было быть нацелено содержание Соглашения. Если первая группа мер носит исключительно административно-процедурный характер, то принцип исчерпания прав отражает частноправовой характер института интеллектуальной собственности, однако также может выражаться в определенном соотношении

[1] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. (с изм. от 06.12.2005). – Соглашение на русском языке опубликовано в издании: *СЗ РФ*. 10 сент. 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818-2849.

[2] См.: *Патентная увязка и доступ к лекарствам в странах ЕАЭС*. Аналитическая записка. 2024. URL: https://eeca-cat.info/wp-content/uploads/2024/01/Analiticheskaya_zapiska_patentnaya_uvyazka_i_dostup_k_lekarstvam_v_stranah.pdf (дата обращения: 27.02.2026).

гражданско-правовой и административно-правовой защиты исключительных прав[3].

Соглашение ТРИПС регулирует многие вопросы защиты интеллектуальных прав (судебные запреты, возмещение ущерба, уголовная ответственность и т.д.), но в данной статье будут рассмотрены только два выделенных выше аспекта защиты интеллектуальных прав (пределы одной научной статьи не позволяют подробно исследовать все разделы Соглашения).

Характеризуя цели разработки и принятия ТРИПС, следует обратить внимание на многочисленные международные акты, направленные на гармонизацию и унификацию правовой охраны и защиты интеллектуальных прав (Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г.[4], Конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.[5], Соглашение о международной регистрации знаков 1891 г.[6], Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков 1957 г.[7] и многие др.).

При этом в уже более поздний период определенный уровень социально-экономического и технологического развития, а также стремительный рост межгосударственных торговых связей, возрастание в международной торговле доли товаров, содержащих в себе объекты интеллектуальной собственности, определили потребность регуляции именно этих вопросов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Закономерным ответом на такую потребность становится ТРИПС, призванный стать минимальным стандартом защиты интеллектуальных прав (причем как в национальном законодательстве, так и в правоприменении) [Ворожевич 2018:40].

Определяя цели ТРИПС, исследователи обращают внимание на несколько групп таких целей. Во-первых, ТРИПС призвано было обеспечить интересы технологических лидеров. Во-вторых, оно должно было ограничивать недобросовестную лицензионную практику, ведущую к дисбалансу интересов участников технологического обмена. В-третьих, оно было направлено на регуляцию аспектов защиты интеллектуальных прав, которые по тем или иным причинам не попали в зону регуляции уже действующих международных соглашений. Наконец, выступая в качестве одного из пакета требований Всемирной торговой организации (ВТО), Соглашение изначально было нацелено на «покрытие» вопросов использования прав на объекты интеллектуальной собственности в международной торговле.

Ученые в связи с этим утверждают, что оно по этим причинам должно было включать в себя и регулирование параллельного импорта, который самым прямым образом относится к межгосударственному экономическому взаимодействию. Однако, несмотря на признание отражения параллельным импортом свободы трансграничного перемещения товаров, провозглашенного ГАТТ и выступающего одним из базовых принципов ВТО, ожидания в отношении регулирующего потенциала ТРИПС не оправдались: Соглашению не удалось установить единообразия в регулировании параллельного импорта [Пирогова 2012:121-122].

При оценке влияния ТРИПС на национальное регулирование в России, в том числе в контексте евразийской интеграционной повестки, следует обратить внимание на несколько факторов.

1. В первую очередь рассматриваемое регулирование трансграничной защиты интеллектуальных прав предполагает установление административных процедур защиты таких прав. Иначе говоря, мы имеем дело с административно-процедурными механизмами защиты прав как правообладателей, так и потребителей при трансграничном перемещении товаров, содержащих интеллектуальную составляющую. При характеристике процессов гармонизации и унификации

[3] Вопросы соотношения административной и гражданско-правовой ответственности за незаконное использование товарного знака получили особую актуальность в период 2008–2009 гг. в судебной практике по делам, инициированным таможенными органами РФ. См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 3 февраля 2009 г. № 10458/08 по делу № А40-9281/08-145-128. – *Вестник ВАС РФ*. 2009. № 5.

[4] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979). – *Бюллетень международных договоров*. 2003. № 9.

[5] Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20 марта 1883 г.) (ред. от 02.10.1979). – *Закон*. 1999. № 7 (извлечение).

[6] Соглашение о международной регистрации знаков. Заключено в Мадриде 14 апреля 1891 г. (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению...» от 1 апреля 1992 г.). – *Публикация ВОИС*. 1992. № 260 (R).

[7] Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. Заключено в Ницце 15 июня 1957 г. (ред. от 28.09.1979). – *Публикация ВОИС*. 1992. № 292 (R).

правовой охраны и защиты интеллектуальных прав в рамках европейской интеграции ученые признают, что кроме так называемых материальных норм права интеллектуальной собственности интеграционные процессы охватывают и процессуальные аспекты правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, способы обеспечения и защиты прав на интеллектуальную собственность [Абдуллин 2007:67].

2. При оценке воздействия принципов и положений ТРИПС на национальное законодательство необходимо учитывать различия в уровне социально-экономического и технологического развития стран. В связи с этим научные и экспертные позиции в оценке значения и роли Соглашения существенным образом разнятся. Так, имеет место позиционирование ТРИПС в качестве результата подлинного компромисса развитых и развивающихся государств с одновременным признанием его роли в создании отсутствовавшей до его принятия международной основы для обеспечения инвестирования в инновации. В то же время в науке присутствует и критическое мнение в оценке ТРИПС, в рамках которого признается формальный характер закрепленного в нем принципа баланса интересов развитых и развивающихся государств [Ворожевич 2018:42]

3. Следует иметь в виду, что основные положения рассматриваемого раздела ТРИПС были инкорпорированы в отечественное таможенное законодательство задолго до вступления России в ВТО, несмотря на то что Соглашение вступило в силу для России 22 августа 2012 г. Положения ТРИПС о пограничных мерах стали основой для самостоятельного раздела Таможенного кодекса РФ 2003 года, посвященного мерам по защите прав интеллектуальной собственности (глава 38. «Меры, принимаемые таможенными органами в отношении отдельных товаров»), впервые регулируемым в отечественной практике[8].

Позже эти меры совершенствуются и детально в процедурном отношении регламентируются уже на интеграционном уровне – в Таможенном кодексе Таможенного союза (глава 46)[9], а в настоящее время – в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) (глава 52)[10], а на национальном уровне – в Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (глава 57)[11]. Кроме того, данные меры детализируются уже на подзаконном уровне, в частности, в ведомственных административных регламентах[12]. Заметим, что аналогичные регламенты в целях процедурного обеспечения реестрового механизма на интеграционном уровне приняты и на уровне ЕАЭС[13], однако реально они не действуют, а единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-участников евразийской интеграции не ведется.

4. Важно понимать, что ТРИПС прямо и косвенно оказало влияние не только на формирование таможенного законодательства в части обеспечения защиты интеллектуальных прав, но и законодательства об интеллектуальной

[8] Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ. – *Российская газета*. 3 июня 2003 г. № 106. (Утратил силу.)

[9] Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 08.05.2015; приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17). – *СЗ РФ*. 13 декабря 2010 г. № 50. Ст. 6615. (Утратил силу.)

[10] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019; приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.04.2017).

[11] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – *СЗ РФ*. 6 августа 2018 г. № 32 (часть I). Ст. 5082.

[12] Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности : Приказ ФТС России от 28 янв. 2019 г. № 131. – *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.06.2019).

[13] О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза (вместе с Регламентом ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств - членов Евразийского экономического союза) : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 марта 2018 г. № 35. – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 07.03.2018).

собственности в целом. Ведущие ученые в связи с этим отмечают, что в числе задач, которые решались в ходе кодификационной работы (разработка четвертой части ГК РФ), была задача по обеспечению более полного соответствия национального законодательства РФ об интеллектуальной собственности международным обязательствам страны, создание необходимых условий для вступления в ВТО и присоединения к Соглашению ТРИПС [Абдуллин 2007:64]. При этом ученые применительно к отдельным объектам интеллектуальной собственности отмечают тот факт, что некоторые положения ТРИПС не были учтены в отечественном законодательстве об интеллектуальной собственности (речь идет о географических указаниях, необходимость защиты которых прямо предусмотрена ТРИПС) [Гаврилов 2020:28]. Произошло это значительно позже.

С учетом выделенных нами выше двух основных, на наш взгляд, аспектов трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, содержащих потенциал для трансформации национального (а в условиях международной экономической интеграции и интеграционного) регулирования, следует обозначить их значение конкретно к каждому аспекту.

Представляется, что современная административно-процедурная модель защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (не всей системы таких объектов, но наиболее распространенных в практике международной торговли) при трансграничном перемещении товаров, формируется при непосредственном воздействии на нее положений ТРИПС. Причем происходит это практически за десятилетие до официального вступления России в ВТО и присоединения к Соглашению. Единство процедурных, темпоральных, обеспечительных и иных аспектов такой модели в государствах – членах ВТО вполне закономерно и отвечает целям установления международных стандартов правовой защиты интеллектуальной собственности. Пограничные меры, определенные в положениях ТРИПС, – это важная составляющая всей системы правовой защиты интеллектуальных прав, это ее определенный уровень, приобретающий в современных условиях развития цифровизации и инноваций особое значение. Наличие единых алгоритмов трансграничной защиты, тождественных регламентов взаимодействия административных органов с правообладателями и иными участниками таких отношений, даже типовых сроков административных процедур защиты (например, срок приостановления срока выпуска товаров 10 дней) – все это позволяет в определенной степени гарантировать гармонизацию подобных мер в государствах – участниках Соглашения и обеспечить примерно одинаковый (сходный) правовой статус для правообладателей из разных стран при трансграничном перемещении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

Следует отдельно обратить внимание на процесс инкорпорации в право ЕАЭС и российское таможенное законодательство положений о действиях по должности (*ex officio*), закрепленных в качестве рекомендательных в ст. 58 «Действия по должности» Соглашения. Речь идет о возможности закрепления за административными органами полномочий по собственной инициативе приостанавливать выпуск в свободное обращение товаров, в отношении которых они располагают доказательствами нарушения прав интеллектуальной собственности. Такие полномочия установлены и в ТК ЕАЭС в качестве рекомендательных (п. 7 ст. 384 ТК ЕАЭС). Россия при этом закрепила подобные дополнительные полномочия в национальном законодательстве с 2018 года (ч. 2 ст. 327 Федерального закона 289-ФЗ). В то же время среди пяти государств – членов ЕАЭС только Россия и Казахстан закрепили полномочия в рамках принципа *ex officio* на национальном уровне[14], что свидетельствует о несколько различающемся механизме трансграничной защиты интеллектуальной собственности на единой экономической территории ЕАЭС. Представляется, что подобные механизмы в государствах-членах интеграции должны быть едиными (или как минимум сопоставимыми), в противном случае это ставит правообладателей и внешнеторговый бизнес в различных государствах ЕАЭС в разные условия.

Анализ реализации рассматриваемого аспекта трансграничной защиты интеллектуальных прав позволяет сделать вывод о позитивном характере воздействия ТРИПС на правовое

[14] Евразийский юридический портал. URL: https://www.eurasialegal.info/index.php/legal-articles/1-eurasianintegration/7097-2019-01-22-07-41-32 (дата обращения: 27.02.2026).

регулирование защиты прав на объекты интеллектуальной собственности при трансграничной торговле товарами. Право ЕАЭС и таможенное законодательство России вобрали в себя основные положения ТРИПС, посвященные пограничным мерам, включая даже меры рекомендуемые, т.е. необязательные для использования в правоприменительной практике.

До включения положений ТРИПС в таможенное законодательство процедуры трансграничной защиты не использовались, были не урегулированы, полномочия соответствующих органов (таможенных, прежде всего) были организационно не определены и нормативно не установлены. За два десятилетия данные процедуры существенным образом развились и усовершенствовались. Об этом свидетельствует правоприменительная практика ФТС России. Так, в 2024 г. в таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности ФТС России было зарегистрировано 589 новых объектов (в 2023 г. – 437 объектов), что является наибольшим значением за всю историю его ведения. Таможенными органами за этот период было выявлено 5,8 млн единиц контрафактной продукции, возбуждено 334 дела об административных правонарушениях в сфере защиты прав интеллектуальной собственности[15]. Модели института приостановления срока выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и реестрового механизма были взяты из положений ТРИПС и инкорпорированы в отечественное таможенное законодательство. Несмотря на отсутствие полной унификации таких механизмов в ЕАЭС, проблему неработоспособности единого реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов ЕАЭС, провозглашенного еще в 2010 г., но по ряду причин так и не заработавшего на уровне интеграции, стандарты ТРИПС, на наш взгляд, позитивно отразились на процедурном обеспечении трансграничной защиты интеллектуальных прав сначала в России, позже – на уровне международно-правовой базы ЕАЭС.

Оценка влияния положений ТРИПС на правовое регулирование отношений, связанных с исчерпанием исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, выглядит не столь однозначной.

Специалисты справедливо признают, что до подписания Соглашения ситуация, складывающаяся вокруг применения исчерпания прав и регулирования параллельного импорта, была противоречивой. При этом принято считать, что практически во всех правопорядках преобладало применение правила, согласно которому исключительные права считались исчерпанными при пересечении национальных границ страны, где охраняемый объект был введен в торговый оборот. Такой принцип исчерпания вполне согласуется со свойством территориальности исключительных прав [Пирогова 2012:120].

Э.П. Гаврилов справедливо отмечает, что споры, возникающие по поводу принципа исчерпания исключительного права, а также разные подходы к определению сферы действия этого принципа, вызваны (по крайней мере, частично) тем обстоятельством, что его правовая природа остается неясной [Гаврилов 2018:40].

Становление и развитие механизмов трансграничной (или) таможенной защиты интеллектуальных прав осуществляется в непосредственной связи с интеграционными процессами на территории постсоветского пространства. В данном случае можно говорить об определенном противоречии между традиционно территориальной природой прав на интеллектуальную собственность и базовыми целями и принципами экономической интеграции (свобода движения товаров в таможенном союзе, позже – свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы – в экономическом союзе), которое призвано было решить формируемое регулирование. Применительно к европейской интеграции ведущие ученые в этой области также обращают внимание на этот факт, отмечая проблему, состоявшую в том, чтобы применить к нематериальному качеству интеллектуальной собственности принципы свободной рыночной экономики, отношений экономической свободы, опосредующей включенность объектов интеллектуальной собственности в рыночную среду [Абдуллин 2006:61]. Отметим, что в современных условиях цифровизации, затронувшей и сферу интеллектуальной собственности, ученые обозначают несколько иной аспект этой проблемы: противоречие между территориальным характером прав

[15] Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России за 2024 г. С. 53. – *Официальный сайт ФТС России*. URL: https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti (дата обращения: 27.02.2026).

интеллектуальной собственности и трансграничной, глобальной природой Интернета [Воробьев 2022:143].

Согласно правилам статьи 6 Соглашения ТРИПС выбор модели исчерпания оставляется на самостоятельное усмотрение каждого государства. Норма носит отсылочный характер, санкций за несоблюдение требований статьи к государству принято быть не может [Пирогова 2012:121-122]. В настоящее время законодательство ряда государств не соответствует ТРИПС и иным международным стандартам защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (примером может служить Шри-Ланка [Perera 2024]).

Научная доктрина и практика призваны обеспечивать так называемый баланс интересов всех основных участников рассматриваемых отношений: авторов-разработчиков, инвесторов, производителей новой продукции и в целом государственных интересов в области промышленной политики. С этой целью разрабатываются ограничения исключительных прав, одним из которых и является их исчерпание [Пирогова 2012:119]. По мнению ученых, плохо урегулированный в российском законодательстве принцип исчерпания прав имеет ограничения по предмету и территории [Гаврилов 2018:39-40].

Отдельно следует остановиться на роли суда и судебной практики в процессах гармонизации и унификации механизмов трансграничной защиты интеллектуальных прав. Если в развитии процессов сближения правового регулирования охраны интеллектуальных прав в ЕС значимую роль сыграл суд интеграционного образования [Абдуллин 2006:61], то применительно к евразийской интеграции такого не наблюдалось. О значении судебных прецедентов применительно к российской практике можно говорить в отдельные периоды развития такой правоприменительной практики: в 2007–2008 гг., в 2010–2012 гг. (начало интеграционных процессов на территории постсоветского пространства [Агамагомедова 2012; Агамагомедова 2013]); в период введения санкций с 2014 г., в 2022–2023 гг. – в связи с изменениями в регулировании принципа исчерпания исключительных прав в России.

Особого внимания в связи с этим заслуживает антисанкционный подход Конституционного Суда РФ, направленный на защиту отечественных хозяйствующих субъектов, попавших в непростые экономические условия[16]. Правовые позиции высших судебных органов по рассматриваемому вопросу подтверждает тезис ученых о том, что, несмотря на значительное количество заключенных международных договоров, а также региональную унификацию национального законодательства государств – участников интеграционных образований, реальная возможность защитить свои права во многом зависит от правил и требований, предусмотренных местным законодательством и судебной практикой [Воробьев 2022:144].

Позиции Конституционного Суда РФ в части признания возможности признания злоупотреблением права действия правообладателя по защите своих исключительных прав, по сути, отражают базовые принципы ТРИПС, согласно которым странами – участниками Соглашения должны быть предотвращены все злоупотребления правами интеллектуальной собственности, если они неоправданным образом ограничивают торговлю и оказывают неблагоприятное влияние на международный технологический обмен (п. 2 ст. 8 ТРИПС) [Пирогова 2012:122].

Достаточно обширна практика Суда по интеллектуальным правам в области административно-правовой защиты интеллектуальных прав при трансграничном перемещении товаров. Несмотря на отсутствие в его правовых позициях прямой отсылки к реализации принципа исчерпания исключительных прав, данная практика свидетельствует о целом ряде проблемных вопросов при выявлении таможенными органами фактов незаконного использования товарного знака (право на это средство индивидуализации товаров нарушается чаще всего). Среди таких вопросов: проблемы экспертизы, доказанности контрафактности перемещаемого товара, направления изъятой контрафактной продукции на уничтожение, доказанности факта размещение обозначений на ввозимом товаре и другие[17].

[16] По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» : Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февр. 2018 г. № 8-П. – Российская газета. 22 февр. 2018 г. № 39.

[17] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 22 ноября 2024 г. № С01-2253/2024 по делу № А33-20694/2023; от 3 октября 2023 г. № С01-1445/2023 по делу № А51-16859/2022; от 8 мая 2024 г. № С01-433/2024 по делу № А40-164139/2023; от 1 октября 2024 г. № С01-1466/2024 по делу № А40-225931/2023. – *СПС «КонсультантПлюс»*.

Отсутствие актуальной «развернутой целостной правовой регламентации» [Гаврилов 2018:43-44] вопросов исчерпания исключительных прав компенсируется правоприменительной практикой. Э.П. Гаврилов в связи с этим предлагал незамедлительно провести экономические изыскания, в результате которых следует установить при необходимости дифференцированный принцип исчерпания прав для разных объектов интеллектуальной собственности и законодательно установить то, «что наиболее выгодно для нашей страны» [Гаврилов 2018:43-44]. Представляется, что «наиболее выгодная» для нашего государства правовая модель исчерпания исключительных прав была установлена несколько позднее, в 2022 г., посредством введения в отношении отдельных категорий товаров (конкретных правообладателей) международного принципа исчерпания прав[18]. В науке имеют место позиции, в рамках которых обосновывается целесообразность применения международного принципа исчерпания с определенными изъятиями [Пирогова 2012:121].

В данном случае мы можем говорить о формировании определенной модели принципа исчерпания прав на основе рекомендованных ТРИПС механизмов исчерпания в целях защиты национальных интересов, обеспечения национальной и международной безопасности. Специалисты в этом смысле подчеркивали значение использования позитивного потенциала Соглашения в обеспечении доступа развивающихся стран к технологиям, что в итоге призвано способствовать достижению целей перехода к устойчивому экономическому развитию [Шугуров 2015:406].

В целом можно констатировать тенденцию усиления национальных моделей и приоритетов в регулировании защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (своего рода отражение процессов деглобализации). Примером здесь могут служить рекомендации по внедрению системы «зеленой» интеллектуальной собственности (green IP system), включающей защиту экологически устойчивым изобретениям и технологиям, которые призваны остановить или предотвратить ухудшение состояния окружающей среды и способствовать экологической устойчивости (технологии, связанные с утилизацией отходов, и др.) на Мальте. При этом речь идет именно о местной системе, призванной принести государству как экологическую, так и экономическую выгоду [Mifsud, Muscat 2024]. Другим примером может служить Китай, в котором установлена более строгая защита прав и интересов в сфере товарных знаков [Cheng, Zhao 2025]. Существенные различия имеют место и в институциональной структуре современных государств, включая патентные ведомства и ведомства по товарным знакам, суды, прокуратуру и другие заинтересованные стороны, участвующие в защите и обеспечении соблюдения прав интеллектуальной собственности [Böttger 2025].

Несмотря на межотраслевой характер, право интеллектуальной собственности в современных исследованиях признается в большей степени экономическим механизмом [Yang 2025a]. Особенно явно это проявляется в торговых аспектах защиты интеллектуальных прав. В связи с этим уместно упомянуть проблемы соотношения теории прав человека и права интеллектуальной собственности, которые развивались независимо друг от друга. Если первые связывались с человеческим достоинством, то под вторыми понимались права, целью которых было стимулирование инноваций и защита интересов отдельных сообществ для дальнейшего экономического и технологического роста. Ученые признают, что в международном регулировании интеллектуальной собственности первостепенное внимание уделяется экономическим и личным интересам человека, а в международных критериях защиты прав интеллектуальной собственности в рамках глобальной торговли приоритет отдается экономическому росту, а не правам человека [Pandey, Mishra 2025]. Дискуссия о соотношении базовых прав человека и прав интеллектуальной собственности получает новый виток в части пересечения сфер защиты интеллектуальной собственности и прав человека в контексте права на здоровье и, в частности, доступа к жизненно важным лекарствам [Pandey, Mishra 2025].

Примечательно, что ученые констатируют наличие дискуссии по вопросам параллельного

[18] О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы : Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023). – *СЗ РФ*. 4 апр. 2022 г. № 14. Ст. 2286.

импорта в 90-е годы прошлого века в рамках европейской интеграции, когда восточноевропейские технологические компании ратовали за национальное исчерпание прав, отражающее их нежелание допускать на внутренний рынок зарубежных конкурентов [Пирогова 2012:121].

Отметим, что отсутствие в ТРИПС обязательной к применению модели исчерпания прав привело к необходимости разрешения этих вопросов вне Соглашения, в частности, в рамках двусторонних торговых соглашений [Пирогова 2012:122]. Так, соответствие положениям ТРИПС выступает одним из условий при обосновании экспроприации в двустороннем договоре РФ и КНР о поощрении и взаимной защите инвестиций[19].

В целом механизм исчерпания прав в современных условиях может рассматриваться в качестве средства обеспечения национальной безопасности, способа укрепления технологического суверенитета, меры защиты отечественной экономики в условиях внутренних и внешних угроз.

Что касается вопроса гармонизации исчерпания прав, то трудно оценить вклад Соглашения в его решение как успешный. Отсутствие в нем конкретных требований к решению вопроса исчерпания прав может быть компенсировано, пожалуй, только соответствующими подходами в правоприменении [Пирогова 2012:122], что мы и наблюдаем в отечественной практике.

Отдельно следует сказать о защите прав на объекты интеллектуальной собственности в рамках электронной трансграничной торговли. Изменения в ТК ЕАЭС, связанные с регламентацией такой торговли и проходящие сейчас процедуры ратификации в государствах-членах ЕАЭС[20], пока не затронули блок административно-процедурной защиты интеллектуальных прав. Думается, что правоприменительная практика в данной области еще сформирует запрос на оптимизацию существующего механизма трансграничной защиты таких прав.

Современные авторы признают, что трансграничная электронная коммерция как сложная инженерная система должна объединять различные сервисы и знания, включая механизмы защиты интеллектуальных прав [Zhang 2025]. Цифровая трансформация оказывает всё большее влияние на практику и развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности и подчёркивает главное противоречие в данной сфере – необходимость стимулирования инноваций в условиях недостаточной правовой защиты [Alawsi, Al-Ayash, Ibrahim, Mohammed 2025]. Проблемы эти усугубляются в контексте все большего использования искусственного интеллекта, в том числе в процессах создания и применения результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

3. Заключение

Нематериальный характер и неисчерпаемость как свойства интеллектуальной собственности определяют право интеллектуальной собственности в качестве приоритетной системы в современном регулировании общественных отношений [Воробьев 2022:138]. Важное место в таком регулировании было и остается за международными стандартами правовой охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Применительно к межгосударственным торговым связям базовым договором, регулирующим защиту интеллектуальных прав, выступает Соглашение ТРИПС, ст. 7 которого содержит положения о том, что защита и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должны способствовать продвижению технологических инноваций, передаче и распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технологических знаний и таким образом, чтобы это способствовало социальному и экономическому благосостоянию, а также балансу прав и обязанностей[21].

---

[19] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций. Заключено в г. Москве 8 мая 2025 г. Документ ратифицирован Федеральным законом от 27 октября 2025 г. № 381-ФЗ. – *СПС «Консультант Плюс»*. (Документ не вступил в силу. Опубликован не был.)

[20] Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. Подписан в г. Санкт-Петербурге 25 декабря 2023 г. – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: http://www.eaeunion.org/, 28.12.2023. (Документ не вступил в силу.)

[21] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. (с изм. от 06.12.2005). – Соглашение на русском языке опубликовано в издании: *СЗ РФ*. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818-2849.

Проведенный анализ влияния данного соглашения на национальное отечественное регулирование (в том числе в контексте евразийской экономической интеграции) позволяет говорить о том, что процедурное обеспечение пограничных мер защиты интеллектуальной собственности формировалось и унифицировалось посредством положений ТРИПС достаточно оперативно и эффективно. Что касается принципа исчерпания исключительных прав, то рекомендательный характер предложений Соглашения сделал аналогичное сближение невозможным.

Отказ от единых правил исчерпания прав привел к отказу от равных возможностей для разных групп стран (технологических лидеров и развивающихся) в использовании преимуществ технологического обмена и сделал положения ст. 7 ТРИПС о балансе интересов правообладателей и пользователей инноваций благородной, но формальной декларацией [Пирогова 2012:122]. В связи с этим следует поддержать мнение о том, что Соглашение ТРИПС было нацелено в первую очередь на обеспечение интересов правообладателей (и стоящих за ними развитых стран) [Ворожевич 2018:62].

Представляется, что в современных условиях выводы о востребованности гармонизации норм об исчерпании прав и процесса регулирования параллельного импорта в международной лицензионной торговле [Пирогова 2012:122] несколько теряют свою актуальность. Сегодня более приоритетным видится подход, основанный на создании национальных моделей решения принципа исчерпания прав и тенденции перехода от универсальных актов как отражения глобализации к двусторонним и интеграционным соглашениям как отражения регионализации (в смысле антонима глобализации, в понимании процессов отхода от нее)[22]. Все это позволит обеспечить полноценную систему защиты интеллектуальных прав и формировать «цивилизованный рынок интеллектуальной собственности» [Абдуллин 2007:64], способный удовлетворить интересы правообладателей, потребителей товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и иных участников процесса создания, оборота и использования такой собственности.

Список литературы

1. Абдуллин А.И. 2006. Генезис права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: причины и предпосылки гармонизационного процесса. – *Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева.* № 3. С. 61-65.
2. Абдуллин А.И. 2007. Новое Российское законодательство и Европейский опыт в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности. – *Вестник экономики, права и социологии.* № 1. С. 64-69.
3. Агамагомедова С.А. 2013. Проблемы «параллельного импорта» в правоприменительной практике таможенных органов Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. – *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* № 3 (27). С. 25-35.
4. Агамагомедова С.А. 2012. Проблема исчерпания прав в условиях формирования единого экономического пространства. – *Хозяйство и право.* № 11 (430). С. 113-120.
5. Воробьев Н.С. 2022. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования. – *Журнал российского права.* № 7. С. 137-146. DOI: 10.12737/jrl.2022.078.
6. Ворожевич А. 2018. Минимальный стандарт защиты патентных прав по Соглашению ТРИПС. – *Хозяйство и право.* № 10 (501). С. 39-63.
7. Гаврилов Э.П. 2018. Принцип исчерпания исключительного права и его толкования в Постановлении конституционного Суда РФ. – *Хозяйство и право.* № 5 (496). С. 36-46.
8. Гаврилов Э.П. 2020. Нужна принципиально новая правовая система для географических указаний и наименований места происхождения товара. – *Хозяйство и право.* № 5 (520). С. 27-32.
9. Пирогова В.В. 2012. Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и параллельный импорт. – *Государство и право.* № 6. С. 119-122.
10. Шугуров М.В. 2015. Соглашение ТРИПС, международный трансфер технологий и последствия усиления защиты прав интеллектуальной собственности. – *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations.* № 4. С. 405-436. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=67245 (дата обращения: 01.03.2026).
11. Alawsi H., Al-Ayash A.A., Ibrahim F.M., Mohammed M.N. 2025. Balancing Innovation and Protection: Intellectual Property Law in the Era of Digital Transformation. – *Tech Fusion in Business and Society. Studies in Systems, Decision and Control.* Eds. by R.K. Hamdan. Vol. 234. P. 413-422. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-84636-6_35 (accessed date: 01.03.2026).
12. Böttger F. 2025. Legal and Institutional Framework of IP Protection in Central America. – *CAFTA-DR, European Free Trade Agreements and the Industrial Property System in Central America.* P. 61-162. Munich Studies on

[22] См., напр.: Таможенные органы России и Ирана подписали Соглашение о взаимном признании институтов уполномоченного экономического оператора. – *Официальный сайт ФТС России.* URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/396824 (дата обращения: 01.03.2026).

Innovation and Competition. Vol 21. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-93440-7_2.
13. Cheng D., Zhao L. 2025. Main Amendments of Chinese Intellectual Property Law. – *New Progress of Regulations and Judicial Practice of Intellectual Property.* Eds. by D. Cheng, X. Yu, K. Bacher. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-97-6095-4_1.
14. Mifsud P., Muscat S. 2024. Sustainability and Intellectual Property in Malta. – *Sustainability Objectives in Competition and Intellectual Property Law. LIDC Contributions on Antitrust Law, Intellectual Property and Unfair Competition.* Eds. by P. Këllezi, P. Kobel, B. Kilpatrick. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-44869-0_18.
15. Pandey A., Mishra A. 2025. Conflict and Coexistence of Human Rights: An Exploratory Study with Reference to Intellectual Property Rights. J. Hum. – *Rights Soc.* Work 10. P. 43-54. DOI: 10.1007/s41134-024-00361-9.
16. Perera A. 2024. *Dilemmas of Intellectual Property Discourse in Sri Lanka*. Springer Singapore. 234 p. DOI: 10.1007/978-981-97-6117-3.
17. Upreti P.N., Guida A. 2025. *Towards (Global) Food Equity – The Role of Intellectual Property and Trade.* IIC 56. P. 6-34. DOI: 10.1007/s40319-024-01560-7.
18. Yang M. 2025a. Intellectual Property Creation and Cumulative Innovation: A Behavioural Study of Property Rights. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction.* Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_2.
19. Yang M. 20256. Price Theory in Intellectual Property Transactions. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction*. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_5.
20. Zhang X. 2025. Cross-Border E-Commerce Risk Management. – *Introduction to Cross-Border E-Commerce Ecosystem.* Springer, Singapore. P. 247-269. DOI: 10.1007/978-981-96-1165-2_10.

References

1. Abdullin A.I. Genezis prava intellektual'noj sobstvennosti v Evropejskom Soyuze: prichiny i predposylki garmonizacionnogo processa [Genesis of Intellectual Property Law in the European Union: Causes and Prerequisites for the Harmonization Process]. – *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva [Bulletin of the Kazan State Technical University named after A. N. Tupolev].* 2006. № 3. S. 61-65. (In Russ.)
2. Abdullin A.I. Novoe Rossijskoe zakonodatel'stvo i Evropejskij opyt v sfere pravovoj ohrany intellektual'noj sobstvennosti [New Russian Legislation and European Experience in the Sphere of Legal Protection of Intellectual Property]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology].* 2007. № 1. S. 64-69. (In Russ.)
3. Agamagomedova S.A. Problema ischerpaniya prav v usloviyah formirovaniya edinogo ekonomicheskogo prostranstva [The Problem of Exhaustion of Rights in the Context of the Formation of a Single Economic Space]. – *Hozyajstvo i parvo [Business and Law].* 2012. № 11 (430). S. 113-120. (In Russ.)
4. Agamagomedova S.A. Problemy «parallel'nogo importa» v pravoprimenitel'noj praktike tamozhennyh organov Tamozhennogo soyuza Rossii, Belorussii i Kazahstana [Problems of "Parallel Import" in Law Enforcement Practice of Customs Authorities of the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan]. – *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki [News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences].* 2013. № 3 (27). S. 25-35. (In Russ.)
5. Alawsi H., Al-Ayash A.A., Ibrahim F.M., Mohammed M.N. Balancing Innovation and Protection: Intellectual Property Law in the Era of Digital Transformation. – *Tech Fusion in Business and Society. Studies in Systems, Decision and Control.* Eds. by R.K. Hamdan. 2025. Vol. 234. P. 413-422. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-84636-6_35 (accessed date: 01.03.2026).
6. Böttger F. Legal and Institutional Framework of IP Protection in Central America. – *CAFTA-DR, European Free Trade Agreements and the Industrial Property System in Central America*. Munich Studies on Innovation and Competition. 2025. Vol 21. P. 61-162. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-93440-7_2.
7. Cheng D., Zhao L. Main Amendments of Chinese Intellectual Property Law. – *New Progress of Regulations and Judicial Practice of Intellectual Property.* Eds. by D. Cheng, X. Yu, K. Bacher. Springer, Singapore. 2025. DOI: 10.1007/978-981-97-6095-4_1.
8. Gavrilov E.P. Nuzhna principial'no novaya pravovaya sistema dlya geograficheskih ukazanij i naimenovanij mesta proiskhozhdeniya tovara [A Fundamentally New Legal System for Geographical Indications and Appellations of Origin is Needed]. – *Hozyajstvo i pravo [Business and Law].* 2020. № 5 (520). S. 27-32. (In Russ.)
9. Gavrilov E.P. Princip ischerpaniya isklyuchitel'nogo prava i ego tol'kovaniya v Postanovlenii konstitucionnogo Suda RF [The Principle of Exhaustion of the Exclusive Right and Its Limitation in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation]. – *Hozyajstvo i parvo [Business and Law].* 2018. № 5 (496). S. 36-46. (In Russ.)
10. Mifsud P., Muscat S. Sustainability and Intellectual Property in Malta. – *Sustainability Objectives in Competition and Intellectual Property Law. LIDC Contributions on Antitrust Law, Intellectual Property and Unfair Competition.* Eds. by P. Këllezi, P. Kobel, B. Kilpatrick. Springer, Cham. 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-44869-0_18.
11. Pandey A., Mishra A. Conflict and Coexistence of Human Rights: An Exploratory Study with Reference to Intellectual Property Rights. J. Hum. – *Rights Soc. Work* 10. 2025. P. 43-54. DOI: 10.1007/s41134-024-00361-9.
12. Perera A. *Dilemmas of Intellectual Property Discourse in Sri Lanka*. Springer Singapore. 2024. 234 p. DOI: 10.1007/978-981-97-6117-3.
13. Pirogova V.V. Soglashenie TRIPS (VTO): ischerpanie prav i parallel'nyj import [The TRIPS Agreement (WTO): Exhaustion of Rights and Parallel Imports]. – *Gosudarstvo i parvo [State and Law].* 2012. № 6. S. 119-122. (In Russ.)
14. SHugurov M.V. Soglashenie TRIPS, mezhdunarodnyj transfer tekhnologij i posledstviya usileniya zashchity prav intellektual'noj sobstvennosti [The TRIPS Agreement, International Technology Transfer and the Consequences of Strengthening the Protection of Intellectual Property Rights] – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii [International Law and International Organizations].* 2015. № 4. S. 405-436. URL: https://nb-publish.com/library_read_article.php?id=67245 (data obrashcheniya: 01.03.2026). (In Russ.)
15. Upreti P.N., Guida A. *Towards (Global) Food Equity – The Role of Intellectual Property and Trade.* IIC 56. 2025.

P. 6-34. DOI: 10.1007/s40319-024-01560-7.
16. Vorob'ev N.S. Intellektual'naya sobstvennost' v cifrovuyu epohu: problemy mezhdunarodno-pravovogo i nacional'nogo regulirovaniya [Intellectual Property in the Digital Age: Problems of International Legal and National Regulation]. – *ZHurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2022. № 7. S. 137-146. DOI: 10.12737/jrl.2022.078. (In Russ.)
17. Vorozhevich A. Minimal'nyj standart zashchity patentnyh prav po Soglasheniyu TRIPS [Minimum Standard of Patent Protection under the TRIPS Agreement]. – *Hozyajstvo i parvo [Business and Law]*. 2018. № 10 (501). S. 39-63. (In Russ.)
18. Yang M. Intellectual Property Creation and Cumulative Innovation: A Behavioural Study of Property Rights. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction*. Springer, Singapore. 2025a. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_2.
19. Yang M. Price Theory in Intellectual Property Transactions. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction*. Springer, Singapore. 20256. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_5.
20. Zhang X. Cross-Border E-Commerce Risk Management. – *Introduction to Cross-Border E-Commerce Ecosystem*. Springer, Singapore. 2025. P. 247-269. DOI: 10.1007/978-981-96-1165-2_10.

Информация об авторе

Саниат Абдулганиевна АГАМАГОМЕДОВА
Доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук

Знаменка ул., 10, Москва, 119019, Российская Федерация

saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

About the Author

Saniyat A. AGAMAGOMEDOVA
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenka St., Moscow, Russian Federation, 119019

saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971